

Специальные исторические дисциплины

А. М. ШАБАНОВА

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЙ И ТОРГОВЛИ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ОБОНЕЖЬЯ В XVII ВЕКЕ

Исследователи, занимающиеся изучением крестьянского ремесла и мелкотоварного производства на Северо-Западе России, располагают ограниченным кругом источников. Отсутствуют массовые документы о деревенских промыслах и ремеслах, так как такого рода учет в стране не производился. В этой связи представляют ценность писцовые, дозорные, переписные, платежные книги, содержащие некоторые сведения о промысловых занятиях и торговле крестьян. Писцовые материалы содержат поземельные описания и учет тяглового населения, но в них можно встретить данные и о промысловых, ремесленных занятиях населения. фиксируются поселения и рядки, жители которых занимались торгово-промысловой деятельностью, дается перечень рыбных ловель, соляных амбаров и т. д. Однако эти сведения отрывочны и на их основе нельзя представить целостной картины промыслово-ремесленной и торговой деятельности жителей края. Материалы писцовых описаний приобретают полноту при их изучении в комплексе с другими источниками — таможенными, приходо-расходными книгами и актовыми документами из архивных фондов монастырей. Приходо-расходные книги Александро-Свирского и Тихвинского монастырей, прекрасно сохранившиеся за целое столетие, дают широкую картину промысловых и торговых занятий крестьян региона. Таможенные же записи Тихвинской и Троицкой ярмарок (последняя собиралась около Александро-Свирского монастыря) раскрывают не только объем торговых операций крестьян, но и роль торгового капитала в промысловых крестьянских хозяйствах, что значительно дополняет сведения писцовых и переписных книг. Многочисленные акты из фондов Тихвинского и Александро-Свирского монастырей дают возможность конкретизировать сведения хозяйственных книг и проследить наглядно процес

интенсивной предпринимательской деятельности населения Северо-Западного края России в XVII в.

Писцовые материалы XVII века фиксируют широкое распространение железоделательных промыслов. Крестьянская металлургия Северо-Запада России тщательно изучена К. Н. Сербиной, но проблема далеко не исчерпана (1). Платежные книги 1628/29 г.г. отмечают в Присвирье-Водлозерском и Оштинском станах 38 домниц и 28 кузниц (2). При этом наибольшая концентрация промысла наблюдается в Лоянской волости Важенского погоста. По писцовым книгам 1628/29 г.г. здесь на 75 дворов волости приходилось 6 домниц и 3 кузницы (3). Писцы в ходе описания деревень приводят точные данные о наличии домниц и кузниц в той или иной деревне. Из платежной книги и писцового описания 1628/29 г.г. мы узнаем, что государство взымало с домниц и кузниц регулярные денежные сборы. Уже эти сведения являются основанием для утверждения, что металлургия в Присвирье к началу XVII в. достигла достаточно высокого развития и приносила постоянный доход крестьянским хозяйствам, занимавшимся этим промыслом.

В течение XVII в. в железоделательных промыслах Обонежья сложилась порайонная специализация. На территории Южного Обонежья в Оштинском погосте производили преимущественно крицы и прутовое железо, в Важенском, Остречинском и Мегорском — прутовое железо и уклад. Особенно славилось «важенское» и «лоянское» прутовое железо. Районом широкого производства уклада и прутового железа в течение XVII ст. был Север Обонежья — Заонежские и Лопские погосты. На торгах это железо именовалось «олонецким» и «лопским». К концу XVII в. в результате отделения добывающих промыслов от обрабатывающих в Тихвинском районе кузницы Тихвинского посада перешли на выработку уклада и изделий из него, а добыча и выплавка руды, приготовление криц стали делом сельских ремесленников. «Тихвинский» уклад вывозился на многие рынки страны, включая Сибирь, что отмечено таможенными книгами Тобольска (4).

В конце XVII в. в нескольких погостах Южного Прионежья-Важенском (д. Усланка, Лаптевщина, деревни Лоянской волости), Мегорском (волостях Ундозерской, Лухтозерской, Куштозерской), Оштинском (Ладвинской волости) начало вырабатываться «шелеховое» железо. Отчетливо прослеживается районирование в обрабатывающих промыслах. Значи-

тельная часть кузнецов Тихвинского посада. Пижинского, Важенского погостов производила сельскохозяйственные орудия. Сохи из Посвирья поступали на рынки Обонежья наряду с «Олонецкими» сохами главным образом из Обжанской волости и сохами из Устюжского края. Тихвинские кузнецы, кроме того, славились изготовлением ножей. «Тихвинские» ножи, подобно «кижским», выделявшимся в Кижском погосте, пользовались большим спросом как в Обонежье, так и за его пределами. Пищали изготовляли в Остречинском, Оштинском, Вытегорском, Мегорском, Олонецком погостах. В Остречинах также ковали ножи и ножицы, а в Куштозерской волости Мегорского погоста, как и в Святозерской волости Олонецкого погоста — топоры. Таким образом, Южное Обонежье являлось важной составной частью железоделательного комплекса Обонежья. Набор изделий крестьянской металлургии будет далеко неполным, если не назвать производившиеся повсеместно в большом количестве разнообразные предметы для повседневных хозяйственных нужд: от сковород, клещей, молотков, лопат, гвоздей, коровьих колокольчиков до рыболовных крючков и иголок. Во второй половине XVII в. можно насчитать десятки специальностей крестьян-металлургов, что не могло не сказываться на рыночных связях и высокой степени товарности продукции.

Занятие промыслом было наследственным. Таможенные и вотчинные хозяйственные книги XVII в., сопоставленные с писцовыми описаниями XVI—XVII в.в., позволяют проследить родословные некоторых крестьянских семей-металлургов со второй половины XVI в. и до конца XVII ст. Так в Лоянской волости д. Михайловской по писцовой книге 1582 г. в трех дворах жили братья Хара, Арист и Фаля Тимофеевы. Писец называет Фалю Тимофеева кузнецом (5). По описанию 1628/29 г.г. в деревне была домница и кузница, стояло 6 дворов. В 4-х дворах жили дети и внуки Тимофеевых: Федька Харитонов с сыновьями Кириллом и Герасимом, Гришка Харитонов, Якушка Фалелеев с сыновьями Аристом и Гаврилой и двумя племянниками, Федька Данилов с сыном. В д. Малафеевской на Наволоке обосновался Данила Харитонов (отец Федьки Данилова) с двумя другими сыновьями — Мишкой и Самушкой. Кузнецом писец назвал и Данилу Харитонова (6). Не вызывает сомнения, что все родственники занимались железоделательным промыслом, тем более, что в д. Михайловской стояли домница и кузница. Они добывали

руды, выплавляли ее и перерабатывали. В 1681 г. в д. Малафеевской шесть из девяти дворов населяли прямые потомки Тимофеевых: Ивашка и Петрушка Аристовы, Июдка Кириллов, Ефрем Герасимов, Елка Михайлов, Васька Григорьев, которые торговали на рынках Обонежья полуфабрикатом, готовыми изделиями своего производства, а также скупленными у окрестных крестьян (7). Родословная крупного торговца железом 30—70-х г.г. XVII в. из Лояниц скупщика Терентия Никитина просматривается с середины XVI в. В 1563 г. в д. на Ингиж-Наволоке стоял двор Мартынки Никитина (8). В 1628 г. писец И. Долгорукий отметил в одном из дворов деревни Терешку Никитина. Записал за деревней домницу и кузницу, рыбную ловлю в Лоянском озере. Кроме тяглой пашни, крестьянин пахал из оброка в своей деревне в пустоши Другое Гижино (9). К середине XVII в. Терентий Никитин — состоятельный и преуспевающий промысловник. Он регулярно торгует на Троицкой и Тихвинской ярмарках, привозя на продажу по 3—4 воза железа весом до 100 пудов и выручая от 24 до 27 руб. (10). На оборотные деньги Терентий Никитин не только скупал железо и другие товары, но и ссужал деньги в долг. В 1656 г. вместе с крестьянином д. Мандроги Никитой Евтихиевым одолжили старцу Александру-Свирского монастыря 100 руб. (11). В 80—90-е г.г. его сыновья и внуки продолжали заниматься скупкой и продажей железа, кузнечным промыслом (12). В 80-х г.г. XVII в. в д. Нюховской 5 дворов были населены родственниками — кузнецами и торговцами железом. Основателем их династии был Яким Сергеев, поселившийся в Лояницах на Нюхове стороне в начале 60-х г.г. XVI в. где поставил починок (13). В 1612 г. в д. Семеновской за озером было 2 двора, в которых жили четверо его сыновей: Арефанка и Мошанка Якимовы, Найденка и Карпик Якимовы с детьми (14). В описании 1628/29 г.г. отмечено, что четырехдворная деревня целиком состояла из детей и внуков Якима Сергеева. Восемь взрослых членов семей обрабатывали тяглую и оброчную пашню. Имевшиеся в деревне домница и кузница позволяют говорить о занятии и железодельным промыслом (15). В 80-х г.г. XVII в. в деревне обитало четвертое поколение, сохранявшее занятия промыслом (16). Подобный анализ можно было бы продолжить. Подсчеты показали, что количество дворов крестьян-металлургов в Лоянской волости в 80-х г.г. составляло около 67% общего числа дворов. Из них

и 33% дворов родословная занятий уходит в XVI в. Династии крестьян-металлургов четко прослеживаются и в Центральном Тихвинском районе, тщательно изученном К. Н. Сербиной (17).

Железодельный промысел в Обонежье приобрел товарный характер уже в XVI в. В XVII в. полуфабрикат и изделия из железа в большом количестве поступали на ярмарки края — на юге Обонежья на Александро-Свирскую (Троицкую) ярмарку, в Тихвин, Новгород. Приходо-расходные книги Александро-Свирского монастыря первой половины XVII в. показывают, что монастырь в основном удовлетворял потребности монастырской кузницы в металле систематическими закупками у окрестных крестьян полуфабрикатов-криц, уклада, пругового железа. У местных крестьян закупались и многие готовые изделия. Обращает внимание факт приобретения товара небольшими партиями, что говорит о том, что продавали полуфабрикат и готовые изделия непосредственные производители присвирских деревень. В то же время в начале XVII в. в Присвирье активно действовали скупщики. По данным таможенных книг Тихвинской ярмарки 30-х гг. XVII в., которые сохранились за три года, 13 крестьян из Важенского и Пиркинского погостов регулярно привозили железо в Тихвин. Пятеро были из Лоянской волости Важенского погоста, трое из Пиркиниц. Среди них Семен Романов из д. Салмоселга Лоянской волости. Он поставлял большие партии пругового железа обозами до 10 возов на сумму от 6 до 18 руб. (18). Два других крестьянина той же деревни — Леонтий Родионов и Мирон Минин привозили железо на нескольких возах стоимостью до 9 руб. (19). Скупщики торговали не только железом-сырцом, но и готовыми изделиями, другими товарами — рыбой, кожами, солью, пушниной, тканями, серебром и т. д. Бобыль из Кондуш Яков Максимов «являл» на Тихвине обозы с пруговым железом, сохами, рыбой на суммы от 10 до 40 руб., Кондрат Иванов из д. Мандроги, кроме железа, — ткани, кожи, пушнину (20). К концу XVII в. на рынках Обонежья железо и готовые изделия реализовали главным образом скупщики.

Значительное распространение в отрасли имел наем. Во второй половине XVII в. в деревнях Присвирья и вокруг Тихвина достаточное количество крестьян-металлургов систематически нанимались к состоятельным кузнецам и домникам, в монастырские кузницы. Лишь весной 1686 г. Александро-

Свирский монастырь выплатил наемные деньги за молотничество 20-ти своим вотчинным крестьянам (21). Поток наймитов устремлялся в монастырь из ближних районов железоделательных промыслов — Тихвина, Олонца, но были и дальние отходники — из-под Холмогор, Подмосковья, Переяславль-Залесского (22). Наемные кузнецы работали часто круглый год и в летнее время. Это позволяет говорить о том, что ремесленный труд становился для них главным источником доходов. Иногда кузнецы-отходники приходили наниматься в монастырь со своими наймитами-молотниками или сразу несколько членов одной семьи трудились в монастырской кузнице. Так при Якове Андрееве — кузнеце из-под Олонца, ковавшего в монастыре топоры, клещи, косы — молотником был его брат Федор (23). А Семен Трофимов — олончанин держал в молотниках стороннего наймита, тоже олончанина. Весной 1684 г. они сделали в монастырской кузнице 100 и «надели» 40 топоров. Кузнец Семен Тимофеев взял себе «по договору» 26 алт 4 д., а «молотнику своему... взял 6 алт 4 д» (24). В апреле 1686 г. за ковку топоров и другие поделки монастырь выдал кузнецу 3 руб. 15 алт, «а молотнику его за 7 дней — 3 алт» (25). Документы архива Тихвинского монастыря изобилуют записями о «наймах» к тихвинским кузнецам и владельцам разных промыслов. В списках тихвинских кузнецов 1678 г. перечисляются имена и наемных работников — «молотчиков». Ими были крестьяне «пашенные люди» и обедневшие жители посада, нанимавшиеся поденно или понедельно. Во второй половине XVII в. в деревнях вокруг Тихвина было много людей, кормившихся «черной работой». Не всегда им удавалось найти приложение своим рукам на месте, поэтому приходилось отправляться в другие районы Обонежья в том числе и в Присвирье или в дальний отход, например, в Устюжку (26).

Крестьянские железоделательные промыслы играли важную роль в экономическом развитии края в XVII в., составляли основу для разнообразных ремесленных занятий населения.

Документы свидетельствуют, что вдоль реки Сясь и ее притока Воложбы на базе местного сырья сложилось производство извести. Еще в начале XVII в., а может быть и раньше, местные крестьяне занимались ломкой известняка и жжением извести. Приходно-расходные книги Александрово-Свирского монастыря первых десятилетий XVII в. отмечают поезд-

ми старцев на Сясь «для печи известь обжигать» (27). Источники показывают, что в течение XVII в. в условиях восстановления хозяйства края, а потом и его подъема, при массовой застройке деревень и феодальных усадеб промысел получил быстрое развитие. Выросли масштабы производства. Оно сосредоточилось в руках подрядчиков из крестьян государственных и владельческих, помещиков, использовавших труд наемных работников. Месторождение снабжало готовой известью весь юг Обоножья, а к перевозке готовой продукции привлекались сотни наймитов. В последние десятилетия XVII в. в числе подрядчиков по производству извести. по данным прихода-расходных книг Александро-Свирского монастыря, были помещики Парфен и Данила Фадеевы, дети Есиповы, владевшие двумя печами, в поместьях которых находились залежи сырья; Василий Неплюев с женой, также владевшие двумя печами, Яков Агапитов и др. В 90-е г.г. XVII в. дело ведут их дети Карп Парфенов и Григорий Данилов Есиповы, трое Неплюевых — Богдан, Иван, Никита, два брата Апрельевы — Богдан и Андрей, и др. Среди подрядчиков 80—90-х г.г. были крестьяне — Дементий Яковлев из митрополичьей вотчины, Федька Ильин из вотчины Иванского монастыря, Ивашка Афанасьев из вотчины Никольского Вяжицкого монастыря, что в Рождественском Пашском погосте, бобыль Федр Сидоров из Рождественского Сяського погоста вотчины Стороженского монастыря, Архип Еремеев и Архип Михайлов — крестьяне Тихвинского монастыря с посада, Коземка Данилов и его сын Пантелейка, Мартын Филимонов, Федька Емельянов, Матвей Федоров, Ивашка и Сидор Васильевы Красиковы — крестьяне помещиков Трофима Скобельщина, Алексея Неплюева, Парфения Есипова, князя Григория Путятина и др. — таков далеко неполный перечень крестьян, занятых в известном промысле (28). Каждый владел одной или несколькими печами. Крестьянские печи были меньше помещичьих. Так у помещиков Парфения Есипова и Василия Неплюева разовое производство печи составляло более 300 возов, а трех печей крестьян Логина Сидорова, Сергея Ефимова «со товарищи» — 539 возов извести, печи Ивашки Васильева Красикова — 178 возов, Федьки Ильина — 173 воза (29). Подрядчики извести выходили из семей, в которых этим промыслом занимались уже в начале XVII в. Предприимчивые промысловики передавали доходное дело своим детям и внукам. В частности, с середины 90-х г.г. Ивашка Ло-

гинов продолжал дело отца — Логина Сидорова, которой вместе с Сергеем Ефимовым «со товарищи» жег известь в 80-е — начале 90-х г.г. К тому же Ивашка Логинов стал обладателем всех трех печей. Создавались и смешанные производства с долевым участием крестьян и помещиков. В 80-е годы помещик Данила Есипов жег известь «со крестьяны». В 90-е годы пайщиком Богдана Федорова Апрелева был Яким Сидоров — брат названного выше крестьянина — подрядчика Логина Сидорова, а компаньоном крепостного Мартынки Филимонова — помощник Никита Неплюев. Причем Мартынка Филимонов владел в печи восемью долями и лишь две доли принадлежали помещику. Кроме того, Мартынка «с товарищи» держал и вторую печь на 112 возов жженой извести (30). Условия заключавшихся подрядов зависели от состоятельности подрядчика. Одни брали на себя полное обеспечение процесса производства, другие оговаривали необходимость поставки заказчиками к печам дров, известковой плиты, а иногда того и другого вместе. В 1677 г. по условиям подряда Александро-Свирский монастырь нанимал работников на рубку дров к печам, а в 1682 г. — на рубку дров и ломку известковой плиты. Весной 1684 г. монастырь заплатил наймитам-крестьянам за вырубку и перевозку дров к печам 15 руб. 13 алт 2 д., за ломку плиты — 28 руб. 30 алт (31). Но с 1686 г. и на протяжении последующих лет XVII ст. подрядчики, которых нанимал монастырь для жжения извести, почти всегда брали на себя все расходы производства. Заготовленная на Сяси известь зимой вывозилась в Александро-Свирский монастырь наймитами — жителями разных погостов и волостей. В 80-е — начале 90-х г.г. почти половину всей извести власти монастыря вывозили силами вотчинных крестьян. С 1693 г. наблюдается преобладание среди наймитов сторонних крестьян. Крестьяне-извозчики объединялись в обозы по 3—10 подвод и совершали по несколько рейсов. Документы позволяют судить о характере найма. В книгах «известного извоза» и в расходных книгах со свойственной монахам скрупулезностью отмечены возки — «за деньги», «за долг», «за роспуск», за оброк и т. д. Перевозки с последующей выплатой денежных сумм, безусловно, отражали вольный наем. Подсчеты показали, что число вольных наймитов в начале 90-х г.г. достигло 90%. Монастырь практиковал доставку извести с Сяси и специально нанятыми подрядчиками. В 1686 г. им был крестьянин Новодевичья монастыря из Сер-

максы, подрядчик и скупщик. владелец карбаса Ивашка Федоров Ригачников. По «летней воде» он привез на Александрово-Свирскую Пристань партию извести в 1445 пудов «жжения Василия Неилюева с женой» (32). Однако контракты на поставку извести по воде были редки, так как товар при этом приходил подмокшим, поэтому предпочтение отдавалось перевозкам по зимним дорогам. Не довольствуясь поступлением готовой извести от сяских подрядчиков, монастырь в начале 80-х г.г. организовал производство в монастыре. Контракт заключили с новгородцем Тимофеем Патрикеевым «с товарищи» (33). Сырье-известняк в монастырь привозили с Сяси подрядчики из числа своих и сторонних крестьян, а также неорганизованные наймиты. В 1682—1685 г.г. поставки на своем карбасе осуществил крупный скупщик и подрядчик — крестьянин вотчины Новодевичья монастыря с Сермаксы Яким Михайлов Стебельдяев. На свои деньги он нанимал работников для ломки известняка на Сяси, погрузки его в карбас и выгрузки на месте. Судно также обслуживали наймиты. В 1682 г. на карбасе, прибывшем с известковой плитой к монастырской Пристань, было трое «казаков» — толвуянин Иван Фомин «с товарищи» (34). На монастырской Пристань для выгрузки известняка Стебельдяев нанимал работников из числа местных крестьян. А для доставки известняка к печам наем осуществлял монастырь. Крестьяне-наймиты возили груз на своих лошадях, но на «монастырских хлебах», получая за 20-пудовый воз по 2 коп. Так, в апреле 1685 г. побережские крестьяне перевозили с Пристань к печам 11450 пудов плиты, получив «за весь извоз сполна» 11 руб. 15 алт (35). Для ломки известняка александрово-свирские старцы обращались и к подрядчикам с Сяси, а перевозкой занимались крестьяне присвирских и присясьских погостов, свои вотчинные крестьяне, нанятые монастырем (36). Жжение извести в пределах монастыря потребовало организации снабжения печей не только исходным сырьем, но и дровами. С 80-х г.г. монастырь стал нанимать своих крестьян на рубку дров не только для отопления келей, но и для печей, в которых жгли известь, обжигали кирпич (по расценкам 5 алт. от сажени дров) (37). Источники показывают, что один наемный работник в первой половине 80-х г.г. ежегодно в среднем доставлял в монастырь по 4 сажени «хлебных» и «келейных» по 6 сажени «известных» и «кирпичных» дров, то есть каждый наймит мог заработать около 1 руб. в

год. Анализ материалов о ремесленном найме показывает, что для «сторонних людей», не являвшихся крепостными Александро-Свирского монастыря, наем почти всегда носил вольный характер, был трудом «за деньги» и редко — отработкой долга. Широко практиковался монастырем вольный наем и своих крепостных. В то же время вотчинная администрация использовала массовую задолженность своих крестьян и зачитывала им выполнение разного рода работ в монастырском хозяйстве в счет уплаты многочисленных долговых сумм. Крестьянские кабалы, записные и расходные книги монастыря пестрят заметками о такого рода выплатах. В ремесленном найме во второй половине XVII в. в вольный наем — «за деньги» и отработка долгов, когда крепостной частью работы выполнял в счет уплаты долгов, тесно переплетались. Соотношение вольного и принудительного найма у вотчинных крестьян Александро-Свирского монастыря колебалось по годам и видам работ. Бесспорным является возрастание вольного найма в последние десятилетия XVII в. Что же касается найма монастырем «сторонних» крестьян, то здесь господствовал вольный наем. В крае рек и озер, богатых рыбой в том числе и ценных пород, рыболовство было традиционным видом промысла. Писцовые книги конца XV — первой половины XVII в. отмечают по берегам рек Свири, Волхова, Ояти, Паши, Сяси и др., Ладожского и Онежского озер деревни, населенные рыбаками, дают перечень большого количества рыбных тонь (38). Частью тонь владели монастыри и помещики, другая сохранялась за крестьянскими волостями. Практиковали крестьяне и аренду рыбных ловель. Промысел охватывал значительную массу жителей Юга Обонежья, особенно прибрежных деревень. Уже писцовые книги конца XV—XVI в.в. отмечали по берегам Свири, Ояти, Волхова, Паши, Сяси, вдоль побережья Ладожского и Онежского озер поселения и рядки с непашенными людьми-рыболовами (39). В XVII в. Южное Приладожье, Вороновский и Рождественский Пашский погосты были крупными районами промыслового рыболовства. К концу XVII в. здесь насчитывалось несколько десятков поселков рыбаков, некоторые (Исад, Немятово, Глетково, Берег, Усть Сясь и др.) существовали с конца XV в. Промысел носил товарный характер уже в XVI в., а в XVII ст. превратился в крупную товарную отрасль. С наибольшей полнотой источники раскрывают состояние рыболовства и торговли рыбой в Вороновском и Рождественском Пашском погостах, располагавшихся по рекам Вороной, низовьям Па-

ши и прилежавших к Ладожскому озеру. Здесь почти в каждом дворе прибрежных поселений занимались ловлей рыбы не только «про свой обиход», но и на продажу. Цисцовые описания первой половины XVII в. отмечают деревни, населенные рыбными ловцами: на Вороновском Устье — дер. Гюнево в 2 двора, дер. Усть-Воронега в 13 дворов, однодворные деревни Щуряска и Елохва, дер. Побережье на реке Паше в 5 дворов (40). Во второй половине XVII в. масштабы промыслов и торговли выросли. Жители рыболовецких поселений были прочно связаны с рынком, а в деревнях, население которых занималось хлебопашеством, также развивалось промысловое рыболовство. Хозяйственные книги Александровского и Тихвинского монастырей, таможенные книги XVII в. раскрывают формы сбыта продукции. Одни крестьяне сами везли добытую рыбу на рынок, продавая на близлежащих торгах — главным образом на Паше, где на Рождественском погосте торговля велась круглый год, а на Рождество собиралась ярмарка. Другие — для реализации товара объединялись «с товарищи» или поручали товар доверенным людям. Последние отправлялись на более далекие рынки Ладоги, Сяси, волховских рядков, Тихвина. В то же время уже в первой половине XVII в. в торговле рыбной продукцией отчетливо прослеживается преобладание скупщиков. Скупщики выходили из среды промысловников-рыболовов, которые постепенно от торговли рыбой своего улова переходили к посреднической продаже, а затем и скупке продукции и прибыльной перепродаже ее на дальних рынках. Показателем роли и места скупщиков в торговле рыбой на Юге Обонежья могут служить данные тихвинской таможни о количестве торговцев рыбой из Вороновского и Рождественского Пашского погостов на рынке Тихвина. Нужно иметь в виду, что для рядовых ловцов, живших в деревнях этих погостов, рынок Тихвина был далек, поэтому туда редко приезжали непосредственные производители, а главным образом перекупщики, приобретающие товар у местных рыбаков и на рыбных ловлях Ладожского уезда (41). В 30-х г.г. XVII в. за 4 года на Тихвинском посаде побывало с рыбой 54 крестьянина из Вороновского и Рождественского Пашского погостов, то есть по 14—13 человек в год. В таможне ими было сделано 84 явки в среднем по 21 явке в год. Некоторые дважды в год приезжали с товаром на тихвинский торг (42). Во второй половине XVII в. по данным таможенных книг, со-

поставленных с переписными книгами 1646 и 1678 г.г. — 40% крестьянских дворов названных погостов выезжали с рыбой в Тихвину. Если в 30-е годы крестьяне этих погостов регистрировали в таможене в течение года в среднем 21 явку, то в конце 80-х — начале 90-х г.г. — до 100. Приведенные сведения позволяют говорить о широких масштабах крестьянских промыслов края, об их высокой товарности, также о том, что во второй половине XVII в. в районе сложился слой крестьян-торговцев, главным стремлением которых была скупка и перепродажа рыбы. Четко прослеживается процесс выделения из массы «рыбных ловцов» скупщиков, наследственность в занятиях предпринимательством. Сведения таможенных книг, рассмотренные в комплексе с писцовыми и переписными книгами XVII в., позволяют проследить торговую деятельность крестьянских семей на протяжении столетия. Один пример: по переписной книге 1678 г. в дер. Елохове Вороновского погоста жили 4 брата — Хара, Василий, Юшка, Софронка Семеновы — рыболовы, занимавшиеся скупкой и продажей рыбы. В 60—90-е г.г. они систематически закупали рыбу не только у крестьян Вороновского погоста, но и на рыбных ловлях реки Паши, Ладожского уезда, а перепродавали в Тихвине (43). Источники показывают, что уже в 30-х гг. в Тихвине торговал рыбой их отец Семен Савин Елохов. В таможенных книгах 1636 и 1638 г.г. отмечено его пребывание на горе с несколькими возами рыбы (44). В Вороновском погосте второй половины XVII в. по крайней мере 16 активных скупщиков, а в Рождественском Пашском — более 20 унаследовали дело от отцов, занимавшихся в первые десятилетия XVII в. предпринимательством. Причем уже тогда они, наряду с рыбой, скупали для перепродажи кожи, соль, пушнину. Важным моментом, характеризующим деятельность скупщиков, было участие в торговле семейных кланов. Их родословия в ряде случаев прослеживаются на протяжении всего столетия. Среди них были торговцы разной состоятельности, но в каждом выделялись наиболее предприимчивые и «прожиточные». Источники ярко и убедительно рисуют этих представителей торгового капитала. Масштабы операций одних были скромными, другие располагали большими оборотными средствами. Максимальные суммы, которыми располагали скупщики Вороновского и Рождественского Пашского погостов при заключении торговых сделок, составляли 100—130 руб. Но такие исчислялись единицами. Больше было тех, кто торговал на суммы до 40—60 руб., а основная масса —

в пределах 10—25 руб. и менее. В Вороновском погосте примечательными фигурами среди скупщиков были Подеицевы, Корнышовы, Мокеевы и Александровы. Подеицевых находим уже в Таможенных книгах Тихвина 1630 г. В 30—50-х г.г. на торг Тихвинского посада товары привозили братья Михаил и Яким Степановы Подеицевы. Они продавали не только рыбу, но кожи, пушнину, вырученные суммы достигали 70 руб. (45). К 50-м г. XVII в. относится начало предпринимательства Дениса Якимов Подеицева, осуществлявшего торговые операции до конца столетия. Его деятельность нашла отражение во многих документах: книгах тихвинской таможни, выписях из таможенных книг иашской и ладожской таможен. Этот энергичный человек вступал в сотрудничество с другими скупщиками не менее крупного ранга — Иваном Кузьминим Корнышовым, Климентием Мокеевым, Харитоном Семеновым Елюховым — крестьянами Колмова и Вяжицкого монастырей из Вороновского погоста, Феофаном Афанасьевым Руднопальцевым — из вотчины Колмова монастыря Пашского Рождественского погоста (46). Подобно отцу, Денис Якимов Подеицев скупал рыбу, сырые кожи и пушнину, а также сало и бекна. Однако главным товаром была рыба разных сортов. Закупки производил на рыбных ловлях Вороновского погоста, где он жил в дер. Заостровье. К слову заметим, что эта деревня в 3 двора была заселена родственниками Дениса Подеицева — тоже скупщиками. В конце XVII в. деревню даже стали именовать дер. Подеицева. Сфера предпринимательской деятельности Дениса Подеицева распространялась и на дальние районы — реки Паши, Ладожского уезда, где на рыбных ловлях «Паши рыбной», на волховских тонях, ладожском берегу, он скупал улов рыбаков. Продавал же товар в основном в Тихвине. Материалы позволяют проанализировать более детально его деятельность. Так, в октябре—декабре 1659 г. он закупил товар в Пашском Рождественском погосте. В октябре вместе с Климентием Мокеевым купил рыбы и ворвань сала на 23 руб. 50 коп.; в ноябре сам Денис купил сырые кожи, пушнину, сало ворвань и говяжье на 23 руб. 70 коп., а в декабре вместе с Томилой Корнышовым — говяжьих кожи и сало на 20 руб. В декабре того же года он продал скупленный товар на тихвинском рынке, получив значительную прибыль (47). Активную торговую деятельность в 80—90-х г.г. XVII в. вели крестьяне Вороновского погоста братья Андрей Дмитриев, Томила, Иван, Михаил Кузьмины Корнышовы. Сфера их торговых операций была также раз-

нообразна. Подобно Подеицевым, они занимались скупкой и перепродажей рыбы, кож, пушнины, кроме того — мяса и скота. Закупочные суммы в 1662/1663 г. составляли 100—130 руб. Томила Кузьмин отдавал предпочтение торговле кожами, пушниной; рыба хотя и не играла первенствующую роль, но всегда присутствовала в ассортименте (48). Андрей Дмитриев Корнышев скупал в основном скот — «животины» и мясо, а также кожи, сало, хмель, кумач, рыбу. Таможенные книги показывают, что в июле 1671 г. и 1680 г. он продавал скот и мясо. В партии товаров июля 1671 г. было: 23 «животины» и 11 стягов мяса. В этом же году Емельян Бутырев доставил в Тихвин товар Андрея Корнышова: 10 бочек «лежек» лососины и продал их за 40 руб.; в октябре и декабре того же года сам Андрей Корнышов продавал «животины», сало, кожи, хмель, а в 1679 г. — кумачевые ткани (49). Два других брата — Михаил и Иван Кузьмины Корнышovy занимались преимущественно скупкой и продажей рыбы ценных сортов — сига, лососей, осетрины, стерляди. В 1658 г. Иван Корнышов продал в Тихвине рыбы на 80 руб. (10 бочек сига свирских, бочку сига шальских, 300 сига шальских вялых, 86 лососей вялых, 400 палей просольных, 100 лохов просольных, 2 бочки икры сиговой, 2 кожи, 2 выростка) (50). Таковы размеры предпринимательства семейного клана Корнышовых. В своей торговой деятельности они пользовались и наемным трудом. Емельян Бутырев, доставивший в 1671 г. на рынок Тихвина товар Андрея Корнышова, несомненно, был работником, наймитом, ибо его имя ни разу не фигурирует в источниках в качестве торговца-компаньона. Что касается Андрея Корнышова, то уже в 70-е г.г. у него был дом в Тихвине, а затем он совсем переселился на посад. В книге тихвинской таможи за 1689 г. он фигурирует в качестве ларечного при таможенном голове, а при продаже товаров записывается как житель Тихвинского посада (51). Представляют интерес скупщики Александровы — Панкрат, Кондрат и Андрей из д. Волово Вороновского погоста. Обладая достаточными денежными средствами, они и их дети в 50—90-х г.г. развешивали операции по скупке и перепродаже соли и кож, рыбы. Суммы торговых сделок колебались в пределах 20—60 руб. Любопытно — скупщики Корнышovy и Александровы жили в одной деревне, однако, в деловые контакты друг с другом не вступали.

По берегам нижнего течения р. Паши и вдоль побережья Ладожского озера располагались деревни Пашского Рождес-

твенского погоста — Загубье, Побережье, Родниковщина, Усово, Шутово и др., жители которых сплошь занимались рыболовством и торговлей рыбой, а дь Побережье была заселена исключительно одними рыбными ловцами. Торговля рыбой являлась важной стороной хозяйственной деятельности населения, в нее были вовлечены не только крестьяне, но и помещики, служители погостской и выставочных церквей (попы, дьячки, пономари) и даже сторож губного стана (52). Основная масса крестьян, выходявших на тихвинский торг, имела средний достаток. В составе товаров, кроме рыбы, была соль, кожи, ткани, а суммы торговых операций не превышали 25 рублей. В их числе семьи Тимофеевых-Коршаковых из Загубья Колмова монастыря, Прокофьевых и Перфильевых из д. Усово имения А. И. Колычева, а в последствии князя Г. М. Мышецкого, Логиновых из д. Побережье помещика Л. Н. Ишкарина, Власовых из д. Курицыно поместья Г. В. Поскочина, Киприяновых из д. Шутово поместья Ф. И. Резанова и многих других, деятельность которых хорошо прослеживается по источникам на протяжении всего XVII ст. (53). Через все XVII ст. проходит предпринимательство большого семейства Тимофеевых. В 1636—1638 г.г. братья Тимофей и Ульян Тимофеевы-Коршаковы привозили в Тихвин рыбу. В последующие годы к ним присоединились, а затем и сменили их сыновья Тимофея — Иван, Василий, Мокий, торговавшие уже не только рыбой, но солью и тканями (54). «Торговым человеком» именуется в выписи пашской таможни 1668 г. крестьянин д. Усово Анцыфорка Прокофьев. Сам Анцыфорка, его сын Михей, а затем и внук Илларион до конца XVII в. занимались скупкой и перепродажей рыбы и кож (55). Как в Вороновском, так и в Пашском Рождественском погосте из массы мелких и средних торговцев выделялась небольшая группа более высокого ранга. К ней в первую очередь следует отнести Руднопальцевых — Афанасия Кузьмина и его детей — Феофана, Ивана и Захара Афанасьевых — крестьян Колмова монастыря из Тайболы. В Тихвине они торговали закупувшимися на р. Паше лососями, а также сигаами «шалескими», рыбой «осташковской» и «онежской». Подобный ассортимент позволяет утверждать, что Руднопальцевы и их компаньоны — «товарищи» Корнышовы из Вороновского погоста, о которых шла речь выше, в предпринимательской деятельности не ограничивались только ближними районами Северо-Запада. Суммы, заключавшихся ими сделок, достигали 100 руб. и более, но распространенными были в 30—40 руб.

Помимо рыбы, среди товаров были кожи, пушнина, ткани (56). В числе крестьян-скупщиков Пашского Рождественского погоста второй половины XVII в. с солидными суммами торговых оборотов, достигавшими 60—90 руб., были Ждан Васильев и его сын Томила Жданов с Тайболы, крестьяне Колмова монастыря, братья Устиевы — Милентий, Павел, Иван из поместья П. Ф. Резанова, братья Логин и Василий Автаноновы дети Гуляевы из д. Побережье поместья Л. Н. Ишкарина, Амвросий и Михаил Акиловы из д. Рыбежна поместья В. П. Колычева, Михаил и Филипп Мануйловы из д. Усово поместья П. М. Мышецкого и др. (57). Все крупные скупщики Рождественского Пашского погоста, подобно торговым крестьянам Вороновского погоста, расширяли объем торговых оборотов за счет увеличения поставок не только рыбы, но и других товаров — главным образом кож, соли и пушнины. Так, Мелентий Устиев в декабре 1670 г. привез в Тихвин 26 возов соли весом 550 пудов, в 1671 г. — 24 воза весом 528 пудов, в 1687 г. — 1000 пудов на суммы соответственно 65, 70 и 90 руб. (58). Томила Жданов в марте 1654 г., кроме рыбы (75 лососей, 4000 пашенки, 1000 окуней, 1 осетра), доставил 61 кожу, 4 копины, 17 опойков, шкуры 50 белок, 12 котов, волка — всего на сумму 67 руб. (59). Промысловое рыболовство являлось надежным источником пополнения бюджета крестьянских хозяйств. В добычу и торговлю рыбой были вовлечены значительные массы населения погостов Южного Обонежья, расположенных вдоль рек и озер. Однако, ведущую роль в реализации продукции уже в первой половине XVII в. начинали играть крестьяне-скупщики. Мы ограничились рассмотрением источников по нескольким видам промыслов крестьян южного Обонежья в XVII в.: железодельному, производству извести, рыболовству. Изучение писцовых книг конца XV—XVII в.в. по Обонежью в комплексе с другими источниками позволяет детально проанализировать развитие этих отраслей в XVII в., сделать важные выводы: о массовости занятий промыслами и торговлей населения края, о товарном характере рассмотренных отраслей, о формировании рынка наемной рабочей силы, торгового капитала в лице предпринимателя-скупщика.

1. Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. — М., 1971; ее же Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII в.в. — М.—Л., 1951.

2. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). — Ф. 137. — Д. 17 (по Новгороду).
3. Архив СПб. ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
4. Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 126.
5. РГАДА. — Ф. 1209. — Кн. 963. — Л. 831 об.
6. СПб. ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
7. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 115. — Оп. 2. — Д. 22, 160. — Л. 87; Ф. 132. — Оп. 2. — Д. 1339. — Л. 56 об.
8. ПКОП. — Л. 1930. — Л. 109.
9. СПб. ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
10. Там же. — Ф. 132. — Оп. 2. — Д. 1313. — Л. 29 об; Д. 1298. — Л. 44 об.
11. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 51.
12. Там же. — Оп. 2. — Д. 156. — Л. 151; Д. 166. — Л. 67; Д. 208. — Л. 101 об; Д. 175. — Л. 108; Д. 138. — Л. 16.
13. ПКОП. — Л. 111.
14. СПб ФИРИРАН. — Шведский архив. — № 312.
15. Там же. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
16. Там же. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 115; Оп. 2. — Д. 148. — Л. 120, 159 об, 176; Д. 175. — Л. 75; Ф. 132. — Оп. 2. — Д. 1327. — Л. 15 об, 44. — Л. 15 об, 44.
17. Сербина К. Н. Указ. соч.
18. СПб ФИРИРАН. — Д. 132. — Оп. 2. — Д. 1275. — Л. 19 об; Д. 1294. — Л. 44.
19. Там же. — Д. 1297. — Л. 46, 51.
20. Там же. — Д. 1294. — Л. 275; Д. 1287. — Л. 36; Д. 1290. — Л. 18 об.
21. Там же. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 160.
22. Там же. — Д. 166. — Л. 29; Д. 168. — Л. 79 об., 84; Д. 155. — Л. 146 об; Д. 156. — Л. 46—54, 118, 119.
23. Там же. — Д. 160. — Л. 63; Д. 161. — Л. 123, 130.
24. Там же. — Д. 156. — Л. 141 об.
25. Там же. — Д. 160. — Л. 70 об.
26. Сербина К. Н. Указ. соч.
27. СПб ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 6. — Л. 129 об.
28. Там же. — Д. 162—194.
29. Там же. — Д. 162, 176, 178.
30. Там же. — Д. 168, 193, 194.
31. Там же. — Д. 138, 155, 156.
32. Там же. — Д. 160.
33. Там же. — Д. 162.
34. Там же. — Д. 151, 156, 160.
35. Там же. — Д. 161.
36. Там же. — Д. 160.
37. Там же. — Д. 155.
38. РГАДА. — Ф. 1209. — Кн. 309, 963, 979.
39. Там же.
40. Там же. — Кн. 309.
41. СПб ФИРИРАН. — Ф. 132. — Оп. 1. — К. 9. — Д. 118, 141; — К. 10. — Д. 89.
42. Там же. — Оп. 2. — Д. 1275, 1287, 1290, 1294.
43. Там же. — Оп. 1. — К. 9. — Д. 127, 147; К. 10; Д. 6, 24, 180; Оп. 2. — Д. 1355, 1366, 1405.

44. Там же. — Оп. 2. — Д. 1209, 1294.
 45. Там же. — Д. 1275, 1278, 1290, 1294, 1298.
 46. Там же. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 214; К. 6. — Д. 93; К. 9. — Д. 141; — Оп. 2. — Д. 1320.
 47. Там же. — Оп. 1. — К. 6. — Д. 26, 30, 40; Оп. 2. — Д. 1320
 48. Там же. — Оп. 1. — К. 7. — Д. 142; К. 9. — Д. 99; Оп. 2. — Д. 1352.
 49. Там же. — Оп. 2. — Д. 1362, 1404.
 50. Там же. — Д. 1313, 1362.
 51. Там же. — Д. 1449.
 52. Там же. — Д. 1355, 1362, 1437, 1468.
 53. Там же. — Д. 1290, 1294, 1298, 1309, 1313, 1320, 1355 и т. д.
 54. Там же. — Д. 1290. — Л. 11; Д. 1294. — Л. 3 об.; Д. 1309. — Л. 6 об.; Д. 1355. — Л. 38.
 55. Там же. — Оп. 1. — К. 10. — Д. 217; Оп. 2. — Д. 1366. — Л. 67 об.; Д. 1449. — Л. 39 об.; Д. 1464. — Л. 27.
 56. Там же. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 223; К. 6. — Д. 185; К. 8. — Д. 106, 141; Оп. 2. — Д. 1298, 1309 и др.
 57. Там же. — Оп. 2. — Д. 1294. — Л. 44; Д. 1355. — Л. 1; Д. 1361. — Л. 2 об.; Л. 2 об.; Д. 1405. — Л. 37; Д. 1437. — Л. 5 об.
 58. Там же. — Д. 1355. — Л. 1; Д. 1361. — Л. 2 об.; Д. 1437. — Л. 5 об.
 59. Там же. — Д. 1298. — Л. 44.